

# ЛИТЕРАТУРНОЕ КРЫМОВЕДЕНИЕ

УДК: 821.16.1-992.09 (Грибоедов)

## А. С. ГРИБОЕДОВ И РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ А. И. ПОЛКАНОВА

**Минчик Сергей Сергеевич,**

*к. филол. н., доцент кафедры русской и зарубежной литературы  
Таврической академии (структурное подразделение)  
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»;  
e-mail: sersermin@ukr.net*

*А. И. Полканов – известный крымский историк, археолог, этнограф, искусствовед, организатор музейного дела. В статье раскрываются причины, предопределившие интерес исследователя к личности А. С. Грибоедова и характер подхода к изучению его крымского путешествия. Впервые воссоздается образ Полканова-литератора, его творческая эволюция прослеживается на основе анализа публицистических и художественных сочинений автора.*

**Ключевые слова:** *грибоедоведение, литературное крымоведение, творческая эволюция, марксистско-ленинская наука, публицистика, литература Серебряного века.*

В 1970 году в газете «Крымская правда» вышла одна из последних работ Александра Ивановича Полканова (1884–1971), напечатанная при его жизни, – статья, рассказывающая о поездке А. С. Грибоедова в Полуденный край [1]. Что же заставило восьмидесятишестилетнего краеведа писать об авторе «Горя от ума» незадолго до своей смерти?

Научные интересы Полканова в основном касались истории и живописи. Однако его наследие также представлено трудами на литературную тематику. К таковой относятся статьи о жизни в Крыму А. С. Грибоедова [2], А. С. Пушкина [3], А. П. Чехова [4] и Максимилиана Волошина [5], а также «Список памятников и памятных мест ...», связанный с именами В. Г. Белинского, В. В. Вересаева, А. П. Гайдара, Максима Горького, А. С. Грина, В. А. Жуковского, В. В. Капниста, В. В. Маяковского, Н. А. Некрасова, Н. А. Островского и Л. Н. Толстого [6].

Особое же место среди литераторов, о которых писал Полканов, принадлежит создателю «Горя от ума». Именно его поездка в Крым в 1825 году привлекает внимание ученого на протяжении долгих восем-

надцати лет [7], именно Грибоедову он посвящает и большую часть своих статей о связях писателей с Крымом [8]. Но почему?

Сам Полканов не был чужд литературному творчеству. Общеизвестны его воспоминания о революционном движении в Симферополе [9], об охране музейных ценностей на полуострове в годы Гражданской и Великой отечественной войн [10], о знакомстве и дружбе со многими выдающимися людьми [11]. Однако архивы свидетельствуют, что наследие писателя-краеведа включает в себя не только документальную прозу.

Увлечение словесностью приходит к Полканову в юношеские годы. Еще будучи учащимся Таврической духовной семинарии, он «много читал книг по истории и классической литературе» [12. ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 552, л. 47.], а поступив на юрфак Петербургского университета, и вовсе начал посещать «лекции на историко-филологическом факультете» [13].

До своего отъезда в столицу Полканов становится членом социал-демократического кружка «Касса просвещения» [14]. Основу этой нелегальной организации составляли семинаристы, но среди ее деятелей также были и представители других учебных заведений. Именно участие в работе «Кассы ...», а также в издании ее журналов (рукописной «Зари» и печатного «Пробуждения», с 1905 года выходившего под названием «Отклики») сводит Полканова с будущими публицистами и литераторами, самым видным из которых был С. Я. Маршак [15].

В целях перевоспитания молодежи «Кассой...» активно велась политическая и «что надо особенно отметить для духовной семинарии, пропаганда антирелигиозная» [16]. К публикации в ее журналах Полканов и готовит свои первые сочинения: о направляющей силе в жизни личности («Человек...» [17]) и смысле революционных преобразований в стране («У нас нет идеалов...» [18]), о просвещении народных масс («Трудно у нас в России...» [19]) и отношении к нему царя («Не будет уж удовлетворяться...» [20]). Не исключено, что с этими же целями он пишет и лирико-философское «Настроение...» [21], раскрывающее мир внутренних переживаний автора накануне важного испытания.

В конце 1905 года Полканов оправляется в Петербург, но из-за очередной забастовки уже следующей весной приезжает в Симферополь, где посвящает себя публицистике. Его работы на общественную и политическую тематику выходят в газетах «Голос Тавриды», «Отклики Крыма» и «Южная народная газета», журнала «Первый луч» и, вероятно, других изданий. «А. П.», «Ал», «К-рь», «Ксандрь», «Махилов», «Н-евъ», «Овод», «П-въ», «-Ъ», – вот далеко не полный перечень тех псевдонимов, которыми автор подписывает свои труды в этот период.

До возвращения в столицу в 1906 году Полканов успевает напечатать десятки статей в социал-демократической прессе. Этими публика-

циями он выражает протест против самодержавной политики и пытается поднять народ на борьбу за свои права.

Говоря о положении дел на полуострове, Полканов-журналист не упускает из виду ситуацию в стране. Именно поэтому все события, описываемые в его статьях, рассматриваются в свете общероссийских проблем – будь то кадровые перестановки в гимназии («Мелочи жизни» [22], «Оскорбленная невинность» [23]) или преследование местных оппозиционеров («Первый луч» [24], «Черный кабинет» в семинарии» [25], «К смерти Ш. Канцлера» [26]), партийная жизнь города («В четверг, 15 декабря...» [27], «В четверг, в зале...» [28], «Мелочи жизни» [29], «Среди учащихся» [30], «Лавры союза 17 октября» [31]) или деятельность губернских властей («Новые “гарантии” свобод» [32]).

Происходящее на материке подталкивает Полканова к самым решительным выводам. Какие бы вопросы ни поднимались правительством: возможная отмена смертной казни («Они” все торгуются» [33]) или заем у иностранных кредиторов («Продажа в розницу» [34]), – министры будут заботиться лишь об интересах самодержавия. Чьи бы жизни ни зависели от чиновничества: политических ссыльных («Инквизиторы» [35]) либо сотен тысяч крестьян («Аграрная политика» [36]), – верхи никогда не пойдут навстречу низам. Чего бы ни требовало общество от власти: отчета о выполненной работе («Совершилось!...» [37]) либо коренных перемен в жизни страны («Новый” министерский курс» [38]), – правящие круги всегда будут думать лишь о собственной выгоде («Политика и биржа» [39]).

В конфликте правительства и парламента Полканов принимает сторону обманутого народа. Однако надежда на те силы, которые все же могут защитить людей от произвола чиновников, не оставляет его до конца («Два правительства» [40], «К историческому моменту» [41]). Автор считает, что свою решимость в борьбе за будущее страны способны проявить и депутаты («К вопросу о тактике Думы» [42]), которым нужно только одно – выступить против самодержавия («Министры и “голодный вопрос” в Думе» [43]). Люди же поддержат своих избранников («Организация и дезорганизация революции» [44], «Погромы и задачи Думы» [45]), но лишь тогда, когда те найдут общий язык друг с другом («Кто не с народом, тот против него» [46], «Кадетские “черновики”» [47]).

Полканов уверен, что именно классовость тормозит развитие страны, а те силы, которые не хотят менять сложившийся порядок («По поводу одной дружбы» [48], «Хор “правых”» [49]), идут против воли народа. Автор видит в пролетариате могучую силу («1-е мая» [50]) и понимает, что его угнетатели, не выдержав испытания временем («Исторический опыт и российские толстосумы» [51]), с каждым новым днем теряют свою власть («Заметки» [52], «Наконец Трепов пал ...» [53]) – хотя и пытаются удержать ее («Капиталисты

мобилизуют свои силы» [54], «Оживление мертвецов» [55], «В партии “правых”» [56]).

Не все труды Полканова, изданные в прессе с 1905 по 1906 годы, посвящены конкретным событиям общественно-политической жизни. Некоторые из них, гражданственные по своему звучанию, все же носят отвлеченный характер. Таковы антиклерикальная статья «Мы стремимся к царству любви...» [57] и сказка-фельетон «О зверином царстве» [58]. Здесь же следует назвать фрагмент «Я видел там трусливый Эгоизм...» [59], философско-политический этюд «Дух будущего» [60] и зарисовку «Безумие и ужас» [61], подводящую итоги русско-японской войны.

Одновременно с работой в публицистике и журналистике Полканов пробует силы и в литературном эпосе. В Крымском госархиве хранятся наброски к двум сочинениям автора, написанные в форме художественного повествования: о буднях крымской знати (<Иван Николаевич и Григорий Спиридонович> [62]) и о гибели мудреца, гонимого за преданность своим идеалам (<Сократ> [63]).

Примерно в это же время Полканов экспериментирует в области лирики, отдаваясь работе над стихами с нескрываемым удовольствием («Люблю я, черт возьми, поэзию...» [64]). Однако не все они так же удачны, как и его публицистика. Поэтому отношение Полканова к своим поэтическим опытам поначалу близко к ироничному («Убирайся, муза, к черту...!» [65]). Разочарование же в собственных силах («Лампа стоит...» [66]) сменяется желанием вновь раствориться в борьбе за свободу народа, а лирические ноты в стихотворениях автора в итоге уступают место более привычному для него звучанию газетных манифестов («Как камень...» [67], «Я молчать не могу...» [68], «Отступления нет...» [69], «Вставайте, рабы...!» [70]).

Жизнь в Петербурге сводит Полканова с Анной Ахматовой [71] и другими молодыми литераторами [72], вновь вовлекает его в пучину революционного движения. Но воспоминания о Крыме не покидают автора, и тоска по родному краю насыщает его прозу новой тональностью («Был рождественский вечер ...» [73]).

Полканов старается не упускать тех возможностей, которые открывает перед ним учеба. В столице будущий краевед знакомится с шедеврами мировой литературы, много читает и пишет. Вместе с тем, изучая творческий метод классиков, он также совершенствует свой и, не сворачивая с лирической стези («Я чувствую в себе...» [74]), вдобавок заявляет о себе как литературный критик [75].

Вернувшись в Крым, Полканов участвует в мероприятиях, связанных с популяризацией русской словесности [76], и записывается в Общество любителей истории и литературы. Эта деятельность, а также служба в КрымОХРИС и научная работа сводит его с А. Б. Дерманом и К. А. Тренивым, А. С. Грином и Максимилианом Волошиным, С. Н. Сергеевым-Ценским и другими авторами [77].

После окончания университета Полканов почти не занимается поэзией. По крайней мере, в Крымском госархиве хранится лишь три стихотворения, написанные в эти годы: любовное «Ваши глазки...» [78], дружеское «От всех сегодня я слышал...» [79] и «Элегетта» [80], полная ностальгических воспоминаний о былом. Причина тому – перелом в творческом сознании автора, предопределивший его разворот в сторону прозы, поначалу стихотворной, и повествовательных форм.

Новый этап развития художественных принципов Полканова отражается на его лирическом герое. Бунтарь, зажигающий пламя в сердцах людей и готовый расстаться с жизнью в борьбе за свободу, уступает место новым образам. Ему на смену приходят музыкант, завораживающий тихой игрой на флейте («Из всех богов...» [81]), и певец, то ли умиротворенный, то ли брошенный собственной музой («Сколько дивных сказок...» [82]). Автор чувствует неумолимый ход времени и расставание с лучшими годами молодости, поэтому юношеское веселье (<Лилит> [83]) уже не может заглушить его страх перед одиночеством и смертью («Высоко над морем...» [84], «Он жил один...» [85]).

Главными чертами сюжетов Полканова отныне становятся развернутость, занимательность и автобиографичность. В его новых сочинениях повествуется о людях, которые сражаются за Родину («Кино “Курган”» [86]) и участвуют в археологических разысканиях («Пешком по Крыму» [87]), ищут бессмертия («Один» [88]) и сами пишут книги («Сильнее смерти» [89]).

Насколько продуктивным было творчество Полканова в последующие годы, приходится лишь догадываться. Во всяком случае, в архивах не выявлено сочинений, которые относились бы к периоду его службы на ответственных должностях. Известно лишь то, что литературе Полканов не изменял и в самых сложных жизненных обстоятельствах. Доказательство этому – рассказ «Хранители могил», который был написан автором после его ареста и заключения в 1944 году [90]. Текст данного произведения не сохранился [91], но сведений, имеющихся о нем, достаточно, чтобы заметить усиление фантастического начала в прозе автора [92].

Неизвестно, как много образов и сюжетов было создано Полкановым-художником и сколько произведений он написал в действительности. Часть из них использовал в своей работе Н. Г. Самвелян [93], но что именно это были за сочинения и каково их место в творчестве последнего, пока не ясно [94]. Как не понятно и то, почему, не считая увлечение литературой серьезным [95], краевед долгие годы хранил свои рукописи и черновики [96].

Заблуждение считать решенным и вопрос о научном наследии Полканова – значительная часть его исследований до сих пор не напечатана. Вот почему те немногие труды о связях русских писателей с Крымом, которые все же были написаны автором, по-прежнему не извест-

ны широкой аудитории. А сама литература, с которой Полканова так много связывало, традиционно не считается предметом его интереса [97]. Притом, что сам краевед говорил о себе так: «Я дилетант. Немного историк, немного археолог, немного критик» [98].

Как видно, становлению Полканова-исследователя предшествовала его работа в области эпоса и лирики, поэзии и прозы, критики и публицистики. Вместе с тем, данный опыт также предопределил идиостиль автора и круг его предпочтений в литературном краеведении. Подтверждение тому – подход ученого к разработке проблемы «Грибоедов и Крым».

Сам Полканов не скрывал, что его обращение к личности великого классика было продиктовано «партзаданием» [99]. Об инструкциях же, которые влияли на ход его исследовательской работы извне, краевед умалчивал. Хотя таковые были, и одну из них – «дать марксистскую характеристику» [100] визиту Грибоедова в Крым – он выполнил добросовестно. Это путешествие Полканов свяжет с заговором тайных обществ во всех своих девяти статьях. И с каждой новой категоричность его выводов, по существу мифологизирующих Грибоедова и события его жизни в мятежном 1825 году, будет лишь возрастать [101].

Впрочем, это не означает, что Полканов подыгрывал властям. Оставаясь верным себе и своему творческому «я» до конца, Грибоедова он считал декабристом вполне искренне. Такой взгляд на творца бессмертной комедии не отличался новизной, но и не противоречил марксистско-ленинской науке, а потому и был принят ею. Случайно ли Полканов оказался единственным крымоведом, которого цитировала М. В. Нечкина – академик, идеи которой предопределили дух советской грибоедовианы [102]?

Автор «Горя от ума» явно выделялся среди других именитых людей, бывавших в Крыму. Поэт и драматург, публицист и композитор, дипломат и вольнодумец, Грибоедов просто не мог не привлечь внимания Полканова – литератора и журналиста, этнографа и археолога, искусствоведа и общественника. Это объясняет, почему в статьях последнего о поездке 1825 года так много личного: от риторики времен социал-демократического движения до лирических и философских мотивов, придающих научным сочинениям автора сходство с его публицистикой и художественными работами [103].

Почти два десятка лет потратит Полканов на изучение грибоедовской поездки в Крым. За это время изменится многое, но только не отношение краеведа к великому классику. Подводя итог своей жизни и думая об ушедшей молодости, Полканов не раз вспомнит Грибоедова – вновь и вновь узнавая в нем такого же революционера и неутомимого борца за справедливость, каким сам был когда-то.

### Примечания

1. «Крымская правда», 17 января 1970, № 13, с. 3.
2. ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 157–164, 168, 169.
3. ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 165–167, 170.
4. ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 153–156.
5. «Звезда», 1977, № 5, с. 184–187.
6. «Список памятников и памятных мест, связанных с именами выдающихся деятелей науки, литературы, искусства, бывавших в Крыму» (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 337).
7. Первая работа Полканова о Грибоедове датируется 1954 годом (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 157).
8. В крымском Госархиве хранится девять работ Полканова о Грибоедове, три о Пушкине и семь о Чехове.
9. ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 279, 291.
10. ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 284, 292.
11. В фондах Крымского госархива хранятся заметки краеведа о Ф. Н. Петрове (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 280, 287–289), А. С. Залманове (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 281–283), М. П. Чеховой (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 286), С. А. Усове (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 293) и П. И. Голландском (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 290).
12. ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 552, л. 47.
13. ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 552, л. 48.
14. О своем участии в событиях 1904–1906 гг. Полканов оставил отдельные воспоминания (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 279).
15. В заметках об истории революционного движения в Крыму Полканов писал далеко не обо всем, что знал. Возможно, это было связано с нежеланием автора компрометировать тех, кто, подобно Маршаку, скрывал свое прошлое. Последний, по утверждению сына краеведа, Юрия Александровича, в юношестве состоял в крымском «Бунде», о чем в зрелые годы вспоминать не любил.
16. ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 279, л. 13.
17. По мнению Полканова, животное никогда не стремится к совершенству, что и отличает его от человека. Для последнего же, напротив, идеал может стать главной ценностью: «... Он боролся за него, для него не щадил ни сил своих ни даже самой жизни» (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 294, л. 1). Статья сохранилась не полностью, в крымском Госархиве выявлена лишь первая ее страница с авторской надписью: «Для нелегального семинарского журнала в 1904 г.».
18. Полканов не доволен тем, что революционно настроенная молодежь, критикуя прежние порядки, не предлагает ничего взамен. «Семинарские науки, как ненужные и даже вредные для здоровой мысли, мы отвергаем, но науки другой, живой и полезной мы не ищем и не пытаемся искать» (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 299, л. 34). Текст содержит две авторские пометы: «1904 год» и «Семинарский журнал».

19. Полканов убежден, что режим панически боится просвещенных людей. Вот почему все меры, направленные на развитие народного образования в России, чиновники относят «к *разряду предосудительных и вредных для существующего строя*» (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 294, л. 1).

20. Царь и его министры, считает Полканов, не заинтересованы в просвещении народа – ведь образованный человек непременно «*захочет сам участвовать в управлении государством*» (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 294, л. 2). Статья сохранилась не полностью, но авторские пометы позволяют датировать ее 1904 годом и отнести к списку работ, подготовленных для публикации в семинарском журнале.

21. «... *Время от времени откуда-то из глубины груди подкатывается какой-то шар, напирает на грудную клетку, хочет ее раздвинуть*» (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 299, л. 8). Так, по словам Полканова, меняется состояние людей, попадающих в критическую ситуацию.

22. Размышляя над тем, что происходит в одной из гимназий Симферополя, Полканов пишет о некой сотруднице, увольнение которой должно обрадовать не только учащихся, но и педагогов. Обращаясь же к читателям, автор призывает их вспомнить свою молодость – и то, какую роль в судьбах людей может порой сыграть всего один «*субъект с испорченной желчью*» (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 295, л. 32).

23. В центре внимания Полканова – уже не учителя, а директор симферопольской гимназии. С явным сарказмом автор повествует о том, на какие ухищрения идет С. Ф. Коропачинский, чтобы остаться при своей должности (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 295, л. 34).

24. «*Политическое пробуждение России непосредственно коснулось не только высших, но и средних учебных заведений*» (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 295, л. 41), – торжественно заявляет Полканов, рассказывая о судьбе первого номера журнала «Первый луч». Сам автор принимал деятельное участие в работе над этим изданием («Таврика», 1998, с. 105–107).

25. Права и свободы, которые отстаивались семинаристами на забастовках, опять под угрозой. Поэтому к руководству заведения Полканов обращается словами депутатов: «*Господа, совесть ваша подсказывает вам, что вы должны сделать: уйти и уступить место другим*» (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 295, л. 33).

26. Полканов с горечью пишет о том, как борьба за лучшую жизнь учащихся сломала судьбу его товарища: «... *Произвол школьной полиции наложил свое veto на его путь. Душа его споткнулась о рогатки воспитания и разбилась. Он погиб*» (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 295, л. 45).

27. По словам Полканова, собрания крымских сторонников партии «Союз 17 октября» превращаются в скучные мероприятия, имеющие



одну цель – «способствовать самодержавному правительству» (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 295, л. 50).

28. Посетив заседание «октябристов» в здании Духовной семинарии, Полканов обвиняет собравшихся в незрелости и потому сочувствует их политическим союзникам: кадетам и социал-демократам (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 295, л. 35).

29. Нерешительность крымских активистов партии «Союз 17 октября» напоминает Полканову поведение их столичных соратников: «... К кому ползти на брюхе? Какие песни петь: о свободе или погроме?» (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 295, л. 37). Опубликовано 5 мая 1906 года.

30. Полканов готов разоблачить всех, кто в действительности стоит за организацией кружка «Союз 17 октября» среди гимназистов (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 295, л. 32). Напечатано в «Южной народной газете» 30 мая 1906 г.

31. Учащиеся гимназии Симферополя не имеют никакого отношения к созданию в ее стенах кружка «Союз 17 октября», и потому Полканов призывает своих читателей быть бдительными. Ведь теперь «гнилой дух союза, из среды которого общество все время слышало дикий вопль против политики в школе, проникает в среду малолетних в школе и нравственно их растлевает» (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 295, л. 74). Опубликовано в журнале «Первый луч» (за 1 июня 1906 г.).

32. Полканов не верит губернатору и его очередному обещанию защищать свободы крымчан (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 295, л. 33–34).

33. Политика царя и его правительства вызывает крайнее раздражение Полканова: «Наша самодержавная бюрократия, зарывшая десятки тысяч молодых жизней в полях Манджурии, потопившая тысячи лучших сынов народа в японских водах, продавшая всю страну заграничным банкирам, – теперь, как старый ростовщик, из-за каждого лишнего гроша торгуется с народом» (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 295, л. 38),

34. Полканов требует от чиновников положить конец практике займов, которая вгоняет Россию в долговую яму: «Идет форменная торговля страной с ее “душами” и богатствами. Прошел какой-нибудь месяц, как бьющееся в агонии самодержавие продало банкирам на несколько лет вперед труд всего народа» (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 295, л. 38–39). Статья от 14 мая 1906 года.

35. По словам Полканова, политическим ссыльным не стоит надеяться на улучшение их жизни. Ведь «самодержавное правительство никогда не уставало и не останавливалось перед средствами в борьбе с революционным пролетариатом» (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 295, л. 28) – которого всегда считало своим главным врагом.

36. Полканову кажется, что реформы сельского хозяйства, проводимые царем, в действительности призваны «вызвать на бой крестья-

ян и до четвертого поколения внушить им ужас пред какими бы то ни было требованиями» (ГАРК, Р-3814, оп.1, д. 295, л. 42).

37. Отчет правительства убеждает Полканова в том, что за время своей работы министры так и не выполнили требований общества. Поскольку же они *«выступили пред Думой, да еще в полном составе, то также несомненно, что, несмотря на всю свою глупость, они вероятно взвесили обстоятельства и учли те силы, которые стоят за их спиной»* (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 295, л. 40).

38. Полканов приходит к мысли, что курс на демократизацию общества, который провозгласила власть, не более чем политическая уловка (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 295, л. 29–30).

39. Отказаться от сотрудничества с кредиторами в ущерб интересам народа и, прислушавшись к Думе, заняться реальной работой на благо общества – таково очередное требование Полканова (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 295, л. 43–44).

40. Депутатов Полканов считает реальным противовесом самодержавию и той единственной силой, которую поддерживает общество. Они, по мнению автора, и есть то второе, истинно народное правительство, которого так боится сегодняшняя власть, но которому суждено спасти Россию в будущем: *«За кем пойдет народ? На чью сторону станет войско? Вот вопросы, которые тогда будут единственно решающими. И не трудно на них заранее ответить»* (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 295, л. 48).

41. Полканов с большим вниманием наблюдает за выборами в Государственную Думу и теми политическими силами, которые в них участвуют: *«Нет еще выступления на авансцену революции тех активных, боевых сил, под давлением которых только наши близорукие правители привыкли уступать народу»* (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 295, л. 37).

42. Полканов утверждает, что депутаты и народ *«должны составить один сплошной организм, чтобы все раздражения периферии вызывали бы соответствующее ощущение в центре, тогда только и всякий удар, нанесенный в центр, вызовет страшный ответ периферий»* (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 295, л. 44).

43. Ситуация с продовольствием в стране, по мнению Полканова, требует неотложного внимания депутатов. Поэтому, если Дума *«захочет быть логичной и последовательной, если она не хочет следовать в своем поведении примеру ненавистного ей министерства, то должна будет смело вступить на путь самостоятельных шагов»* (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 295, л. 28).

44. Немедленно ответить на пропаганду, которая ведется в провластной печати – такими видит Полканов первоочередные задачи своих коллег журналистов. Ведь если свободной прессе *«всегда принадле-*

жала инициатива при общественных бедствиях, если она постоянно приходит на помощь даже отдельным лицам, то тем более она должна оказать свое посильное содействие ходу революции» (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 295, л. 46).

45. Еврейские погромы кажутся Полканову новым шагом на пути к революции. Ведь они могут подтолкнуть народ к созданию отрядов самообороны – которые и станут главной опорой Думы в борьбе против самодержавия (ГАРК, Р-3814, оп.1, дело 295, л. 49).

46. Полканову не нравится сотрудничество конституционалистов-демократов с царским режимом: «В своем миролюбии они могут зайти слишком далеко, и этот мир с правыми и правительством может стоить народу слишком дорого» (ГАРК, ф. Р-3814, оп.1, д. 295, л. 49).

47. Только общество, считает Полканов, в силах повлиять на депутатов: «... Всенародным давлением можно заставить кадетов сойти с пути “лояльности и корректности” и вступить на путь целесообразности и продуктивности» (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 295, л. 47).

48. Полканов озабочен тем, что депутаты от народа все активнее сближаются с представителями правых партий в Думе: «... “Дружеское единение”, подобно “жернову осельному”, может увлечь кадетов от их позиций в лабиринт соглашений и компромиссов, где навсегда затеряется их имя» (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 295, л. 42).

49. Правящие круги обвиняются Полкановым в сговоре против крестьянства: «Едва смолкло министерское соло: “земли не будет”, как ему в ответ несется уж хор помещичьих идеологов, на все лады подвывающих: “земли не надо!”» (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 295, л. 40).

50. Первой для Полканова – очередной повод напомнить читателю, что «идеалы боевого пролетариата перестроят жизнь всего человечества на началах красоты и счастья» (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 295, л. 37).

51. Полканов убежден, что увольняя рабочих и массово закрывая свои предприятия, капиталисты делают хуже себе, забывая, как совсем недавно «забастовка сотен человек распространилась на миллионы» (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 295, л. 47).

52. С явным восхищением Полканов следит за тем, как растущее движение крестьян в России «начинает терять свой стихийный характер и принимает известную планомерность» (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 295, л. 48).

53. Смерть столичного генерал-губернатора, ставшего олицетворением Реакции, Полканов встречает неподдельным ликованием: «... Теперь все, что есть честного и светлого во всей России может облегченно вздохнуть» (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 295, л. 7).

54. «Никакие капиталистические организации не испугают пролетариат и не остановят окончательной гибели всего капиталистического строя» (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 295, л. 29), – пишет Полканов об очередном съезде фабрикантов и заводчиков Москвы.

55. По мнению Полканова, дворянство в России отживает свой век и ему больше не поможет ничто: «С падением крепостничества началась его предсмертная агония. Субсидии, льготы, привилегии непрерывно впрыскивались самодержавным правительством в дряхлеющий организм» (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 295, л. 46).

56. Партии правого толка не пользуются поддержкой трудового народа, а потому Полканов считает, что дни таких политических объединений, как «Союз 17 октября», уже сочтены (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 295, л. 31).

57. Себя и своих единомышленников Полканов считает не просто революционерами, а борцами со злом: «Поэтому мы ненавидим церковь и боремся с ее развращающим влиянием и ее грубой связывающей мысль и волю силой» (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 295, л. 25).

58. Чтобы читатель понял истинное положение дел в России, Полканов описывает сказочную страну, в которой царями считаются львы, а настоящая власть принадлежит всем, кто пользуется их незадачливостью. «А люди хоть и называют себя царями земли, а зверей своими бессловными рабами, только все же они у рабов своих многое для себя переняли» (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 295, л. 6). Опубликовано в газете «Голос Тавриды» за 6 декабря 1905 года.

59. Лирический герой Полканова – борец, исполненный надеждой на торжество справедливости и смело идущий навстречу судьбе. «И вновь почувствовал в себе я бодрость силы, и волю крепкую, и ум свободный... . И снова был готов для битвы с мраком, для битвы до конца без отступленья» (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 295, л. 35).

60. Вокруг себя Полканов не видит ничего, кроме «грязи и отбросов» (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 295, л. 3) – среди которых, по его мнению, и должен зародиться «дух будущего» России.

61. Полканов остро сочувствует народу, брошенному царем на войну с японским империализмом: «Верхом на ужасном, одичавшем от крови, чудовище, со штофом водки в одной руке и дубиной – в другой, призрак “Красного смеха” промчался по всем почти городам и местечкам (и многим селам) широкой России» (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 295, л. 3). Работа названа по первой строке одного из популярных в то время сочинений Л. Н. Андреева «Красный смех». Опубликовано в газете «Голос Тавриды» за 28 октября 1905 года.

62. Новые герои Полканова – представители уже не сказочного, а реального, но при этом уходящего в небытие старого мира: помещик Перекаатов и урядник Грушецкий (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 295, л. 21–23).

63. Полканов с восторгом отзываясь о храбрости философа, достойно принявшего собственную смерть: *«Враги Сократа ликовали, страшной печалью покрылись лица друзей, только сам осужденный оставался невозмутимо спокойным»* (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 295, л. 11).

64. Публицист-революционер Полканов не стыдится своего трепетного отношения к искусству: *«Люблю я, черт возьми, поэзию! // Как немец – Силезию, // Как татарин – шашлык. // С жизнью меня примиряет, // От бурь укрывает, // Как от ветра башлык»* (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 295, л. 16).

65. Полканов, хотя и любит литературу, не считает себя талантливым автором и потому в шуговой форме описывает «встречу» с собственной «музой»: *«Я от рожденья не гожусь, // Чтоб мысли облекать в размеры. // Уйди! Не то, – ей богу, рассержусь // И репрессивные приму уж меры»* (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 295, л. 15). Подписано 25 февраля 1906 года.

66. Предчувствуя разлуку с родными и близкими накануне вынужденного отъезда в столицу, Полканов мрачен до крайности: *«Лампа мерцает, – // В ней жизнь умирает. – // Так и я: // Жизнь сломила меня»* (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 295, л. 14). Подписано 25 февраля 1906 года.

67. Полканов сравнивает борьбу народа и царя со столкновением двух стихий, а себя – с волной общественного гнева, которая движется на твердыню самодержавия: *«Погибну быть может // В битве нервной, // Отчаянной, славной...// Но пока я живу – // Нет пощады врагу: // Борьбы во мне голод. – // Я – молот»* (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 295, л. 14). Подписано 15 марта 1906 года.

68. В гибели лучших сынов России на полях Маньчжурии Полканов обвиняет царя: *«Кровью народной страна // Будто море полна // А страданьям не видно предела. // И волна за волной // Свежей крови прибой // Заливает отчизну родную»* (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 295, л. 15–16).

69. Заветная мечта Полканова – наказать самодержавие за его преступления перед простыми людьми: *«Отомстим за народ, // И пусть царство придет // Братства, любви и свободы»* (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 295, л. 16). Подписано 19 марта 1906 года.

70. Не в силах сдерживать свое раздражение, Полканов обращается ко всем, кто еще не осознал силу надвигающейся революции: *«Вы умели молчать! – // Братцев на ваших глазах засекали, – // Вы с грустью, быть может, но все же молчали; – // Так учитесь теперь хоть кричать»* (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 295, л. 17).

71. Юрий Александрович Полканов вспоминает, как прибывший однажды в дом его отца незнакомец вручил тому письмо из Ленинграда. Это было ходатайство от Ахматовой – поэтесса просила помочь

своему протезе с поселением близ моря. Но вскоре выяснилось, что молодому человеку больше нравится в гостях у Полкановых, и свой летний отпуск в итоге он провел в их симферопольской квартире.

72. Известно, что с 1908 года в Петербургском университете также учился Н. С. Гумилев: сначала на юридическом факультете («Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь». М., 1989, с. 54), который Полканов закончил в 1910 году (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 552, л. 48), а затем и на историко-филологическом («Русские писатели ...». М., 1989, с. 54), где будущий краевед также слушал лекции (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 552, л. 48).

73. Новые герои Полканова – курсистка и студенты. Горячо споря о политических заявлениях Г. В. Плеханова и тактике кадетов в Думе, они совсем не замечают зимней стужи: «... В стекла занавешенных окон вместе с порывами ветра стучались отрывистые, густые звуки церковных колоколов. Они стучались настойчиво, упрямо, то на минуту замирая, то целыми каскадами обрушиваясь на длинные, покрытые причудливыми узорами стекла» (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 295, л. 58).

74. Полканов не скрывает своих ощущений от пьесы Г. Гауптмана «Праздник мира»: «... Я кажется поднял бы всю землю и ... не сокрушил бы ее, не изничтожил. Нет, я поднял бы ее выше, выше. Выше всего, выше ее самой. И чувствовал бы, что это я ее поднял, что мои силы, моя мощь ее так высоко вознесли» (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 299, л. 6).

75. Опыт Полканова подсказывает ему истинный смысл событий, описанных в повести Максима Горького «Мать»: «В домике о двух комнатах вспыхивает яркий свет будущей жизни; в пространстве между широкой русской печью и низенькими окнами неудержимыми фонтанами сверкают яркие, как электрические брызги, мысли, смелые планы» (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 296, л. 3). Не исключение и личная жизнь героев этого произведения: «Любить и не быть любимым – это ужасно, это значит, всю жизнь пройти, имея постоянно за спиной черную, мрачную пустоту, полную лишь изжитых иллюзий, химерических бесплодных надежд» (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 296, л. 8). Критические очерк представлен в виде машинописного текста, датированного маем 1907 года.

76. «Екатерина Ивановна перед судом общественного мнения» (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 298, л. 1) – так назывался литературный вечер, к участию в котором 7 мая 1913 года Полканов-критик подготовил один из своих докладов. Оправдывая героиню Л. Н. Андреева, автор доказывает собравшимся, что в ее самоубийстве нет ни кажущегося им эгоизма, ни тем более опасности для социума (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 298, л. 8).

77. Помимо архивных документов, о связях краеведа с известными литераторами свидетельствуют его друг Н. Г. Самвелян («Крымская повесть». М., 1981, с. 146) и сын Юрий Александрович.

78. Портрет красивой женщины изображается Полкановым образно, но не с помощью абстрактных поэтических характеристик, а почти по-научному, подробно и правдоподобно: *«Ваши зубки – // Как голубки, // Белые сидят. // Ваши зубки, // Как голубки, // Жемчугом блестят. // Щеки – розы // Иль мимозы // Нежные цветы ... // Где ж коралл // Я тот видал? // Расскажи мне ты»* (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 299, л. 5).

79. Перед тем, как навестить семью товарищей, Полканов с задором вспоминает традиции античных хлебосолов: *«Но раз у нынешних гостей // Не будет греческих кудрей // То и венчать их можно проще. // Вам для сего и шлю букет, // Отдельно – масло и привет. // Цветы собрал в соседней роще»* (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 299, л. 15).

80. Ушедшее лето напоминает Полканову о скоротечности жизни: *«Когда мрак ночи покрывает Симферополь // И в кабинет свой забираюсь я, // Где сквозь окно мне сказки шепчет тополь, – // Вас снова вспоминаю, летние друзья»* (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 299, л. 16).

81. Полканов рассказывает о Пане – сказочном божестве, спокойствие которого нарушили земные люди. Спасаясь от непрошенных гостей, один за другим его покидают верные друзья. В итоге герой не выдерживает одиночества и умирает (ГАРК, Р-3814, оп.1, д. 299, л. 9–11, 87, 88). Но так лишился радости и жизнь пришедшего в его мир человека – *«ушла она из городов, ушла из домов и лесов»* (ГАРК, ф. Р-3814, оп.1, д. 299, л. 11).

82. С годами Полканову все больше кажется, что творческие силы покидают его безвозвратно: *«... Перо – не держится и валится из рук. И фразы не бегут вдогонку друг за другом, как вдруг рассыпанный по стеклянному полу бисер»* (ГАРК, ф. Р-3814, оп.1, д. 299, л. 12).

83. Маленький лучик, хотя и лунный, но все рано озорной, – таким Полканов представляет себе Лилита. Разолив строгое Облако, тот прыгает на Землю, где незваному шалуну радуются все: *«Старый сумрачный дуб улыбался улыбкой столистой ему, оживал от его поцелуя вечно грустный Чинар, Соловей свои песни ему посвящал, а Цикада всю ночь напролет прозвенела друзьям про любовь свою к гостю небес»* (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 299, л. 13).

84. Полканов размышляет о жизни одинокой старухи, в пустом доме которой не осталось никого, кроме кошек и собак (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 299, л. 2-4).

85. Камни, холод и полная неразличимость дней – все, что бросается в глаза Полканову в новый период его жизни (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 299, л. 33).

86. На страницах своей очередной работы Полканов пишет о вооруженном восстании в Феодосии, о белогвардейцах и «зеленых», об

А. В. Мокроусове и крымской миссии англичан (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 299, л. 69–86).

87. Рассказ Полканова о приключениях семьи профессора Энгрена и двух рабфаковцев, Иванова и Петрова (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 299, л. 56–68) называется так же, как и его небезызвестная книга-путеводитель («Пешком по Крыму». Симферополь, 1930, 180 с.).

88. Полканов пишет о студенте Донском, который ищет способ увековечить свое имя, и о том, как судьба помогает ему в этом (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 299, л. 51–55).

89. Автор любовных романов Карин Михаэлис случайно попадает в дом, где живут поклонники ее творчества. Хозяева приглашают гостью за стол, и модная писательница в одночасье становится персонажем – правда, уже не выдуманной, а реальной и притом весьма таинственной истории (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 299, л. 36–50). Ее пересказу и посвящено новое сочинение Полканова.

90. Юрий Полканов вспоминает, как после освобождения его отца к ним в дом пожаловал надзиратель колонии, в которой тот отбывал свое наказание. Выяснилось, что заключенные и сотрудники этого учреждения были первыми, с кем писатель-краевед поделился своей новой историей, и цель у незваного гостя была одна – дослушать «Хранителей могил» до конца.

91. «Хранителей могил» Полканов знал на память и потому не записал их (как, видимо, и некоторые другие свои труды).

92. Оживив мумию царицы Туи, археологи пошли на эксперимент и постарались воссоздать вокруг нее ту обстановку, к которой она привыкла при жизни. О том, как вела себя капризная египтянка в наши дни, и рассказывает Полканов в своей юмористической повести. В общих чертах ее сюжет известен со слов сына автора, Юрия Александровича.

93. По словам Юрия Полканова, его отец не только рассказывал, но и диктовал Самвелю целые фрагменты своих ненаписанных трудов.

94. В одном из последних разговоров с членами семьи писателя-краеведа Самвелян признался, что потерял ту часть личного архива Полканова, которую тот передал ему незадолго до своей смерти.

95. О своих художественных опытах Полканов не говорит ни в автобиографиях (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 552), ни в интервью (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 584). Упоминания о них также отсутствуют в списках его трудов (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 225). Эти обстоятельства затрудняют работу по систематизации и комментированию данных текстов, в том числе на предмет однозначной квалификации их авторства.



96. Свои публикации, а также не напечатанные и не завершенные работы (в том числе, художественно-литературные), Полканов лично сдал на хранение в ГАРК незадолго до смерти.

97. О творчестве Полканова-литератора не говорится ни в одной из публикаций, связанных с характеристикой его жизни и деятельности («Советский Крым», 24 марта 1964, № 60, с. 3; «Комсомольское знамя», 19 мая 1968, № 97, с. 2; «Комсомольское знамя», 17 февраля 1970, № 33, с. 3; «Комсомолец Каспия», 23 июня 1970, № 77, с. 4; «Крымская правда», 11 августа 1971, № 187, с. 4; «Победа», 5 сентября 1970, № 176, с. 2; «Крымская повесть». М., 1981, 159 с.; «В мире книг», 1981, № 5, с. 66–69; «Судак: Популярная энциклопедия». Симферополь, 2004, с. 217; «Судак: Путеводитель». Симферополь, 1981, с. 125–126; «Пам’ятники України», 1984, № 4, с. 61; «Путь Ильича», 2 августа 1984, № 92, с. 4; «Путь Ильича», 16 августа 1984, № 98, с. 4; «Пока сердца для чести живы». Москва, 1986, с. 121–140; «Берега Тавриды», 1994, № 5, с. 167–170; «Крымские караимы». Бахчисарай, 1994, с. 79–89; «Русские в истории Тавриды». Симферополь, 2003, с. 106–115; «Къырым», 12 августа 2009, № 61, с. 5; «Республика Крым», 9–11 марта 2010, № 9, с. 11).

98. «Комсомольское знамя», 19 мая 1968, № 97, с. 2.

99. ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 225, л. 13, 25, 23, 40, 52, 55.

100. ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 218, л. 140.

101. «Вопросы русской литературы», 2012, № 24 (81), с. 184–188.

102. Минчик С. С. Грибоедов и Крым. Симферополь, 2011, с. 10–14, 16, 21, 23.

103. Одна из статей Полканова о создателе «Горя от ума» завершается более чем показательными словами: «...Разоблачительная сила грибоедовской сатиры еще с большей силой и полнотой бьет по современному капиталистическим представителям грибоедовскими персонажами, вырядившимися в современные одежды, “сделанные в США”» (ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 169, л. 11). Объясняя же значимость его творчества, писатель-краевед продолжает: «Ибо до сих пор еще живы и кривляются на капиталистических подмостках фашиствующие фамусовы, мечтающие: “Забрать все книги бы, да сжечь”; – американские профессора-скалозубы, провозглашающих свою “программу”: “Я вас обрадую, что есть проект насчет лицеев, школ, гимназий; – там будут лишь учить по-нашему: раз, два”; – аденуэры-молчалины, угрожающие своему американскому хозяину и собаке его английского дворника, “чтоб ласкова была”» (Там же). И далее: «Кривляются, пока пробудившиеся и объединившиеся народные массы не сметут их метлой в мусорный ящик истории» (Там же).

A. S. GRIBOYEDOV AND A. I. POLKANOV'S  
CREATIVE PRINCIPLES

**Sergey Sergeevich Minchik,**

*Ph.D., Associate Professor of  
Crimea Federal V.I. Vernadsky University  
(Simferopol, Crimea Republic, Russia),  
e-mail: sersermin@ukr.net*

*A.I. Polkanov is a famous Crimean historian, archaeologist, ethnographer, an organizer of museology. The article describes the reasons of researcher's interest in A.S. Griboyedov and the nature of the approach to the study of his Crimean travel. For the first time the image of Polkanov-writer is reconstructed, his creative evolution analysis is based on the studying of journalism and fiction works of the author.*

**Keywords:** *griboedovistic, literary crimeology, creative evolution, Marxist- Leninist science, journalism, Silver Age of Russian literature.*